

Рефорум

Андрей Десницкий

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ ПОСЛЕ «РУССКОГО МИРА»

РЕФОРУМ

2023

Вступление

Традиционная религия в России – православное (восточное) христианство. По всем социологическим опросам выходит, что российское общество малорелигиозно, а в церковных обрядах регулярно участвует едва ли более 1–2% населения. Тем не менее роль православной церкви в российском обществе достаточно велика, а многие православные идеи стали частью русской культуры и в обозримом будущем ею останутся.

В конце 1980-х и особенно в начале 1990-х разочаровавшиеся в коммунизме (а потом и в капитализме эпохи первичного накопления) люди в поисках новых или, точнее, хорошо забытых идей, авторитетов и принципов обращались к традиционной религии. Для русских, а также многих представителей иных народов России это практически всегда было православие. В те годы в русском православии существовало множество разных групп и направлений, как и в обществе в целом, пусть с некоторым уклоном в патернализм и консерватизм, что в принципе характерно для традиционных религий.

Но в последующем Русская православная церковь (РПЦ) как структура оказалась вполне монолитной и полностью подконтрольной государству. Её спикеры играли важную роль в оправдании произвола и насилия, в милитаризации и архаизации общества. Это совсем не значит, будто таких настроений придерживаются все верующие или все священнослужители. Но все несогласные оказываются в РПЦ маргиналами, а если они занимают сколь-нибудь заметные должности и делятся своими взглядами с окружением, то быстро лишаются этих должностей. Иными словами, РПЦ стала одним из главных пропагандистов путинизма и одной из главных опор власти – причём нельзя сказать, что это было сделано под жёстким давлением государства.

РПЦ взяла на себя эту роль вполне добровольно. Напомним, что едва ли не первым публичным манифестом путинизма стал фильм «Гибель империи: византийский урок», вышедший в самом начале 2008 г. Он был снят архимандритом (ныне митрополитом) Тихоном Шевкуновым, который долгое время считался «духовником Путина» и является одним из

главных идеологов консервативного крыла РПЦ. Основная идея фильма – что гибель Византийской империи должна стать уроком для России: некогда великую и славную империю развалили варварский Запад в союзе с доморощенными либералами и олигархами, а также сепаратистами-националистами. Чтобы избежать повторения сценария, государству нужно активно действовать. Действия не замедлили последовать.

Но дело не в личностях. Мы видим много примеров, как люди, которые выглядели вполне свободомыслящими в 1990-х или 2000-х, стали занимать всё более традиционалистские, а затем и откровенно мракобесные позиции. Священник Всеволод Чаплин, охотно ставший главным пугалом для либералов, в юности давал совершенно либеральные интервью, да и патриарх Кирилл в бытность митрополитом Смоленским считался едва ли не главным либералом среди епископата. Стоило ему поправеть, как эта роль перешла к митрополиту Илариону Алфееву, но и он тут же стал меняться: после смерти Чаплина самые громкие призывы запретить и наказать стали звучать уже от Алфеева (после начала войны он удалился или, скорее, был удалён от важных дел и уехал управлять епархией в Будапешт). То есть церковные структуры определённым образом формируют людей, а недостаточно податливые извергаются вон.

Переломным моментом, когда эта проблема стала явной для всех, оказалась история с Pussy Riot в 2012-м, когда РПЦ была использована государством (но вполне добровольно) для раскола протестного движения: с одной стороны «кощунники», которые разрушат нашу духовность, а с другой – «мракобесы», которые введут средневековые порядки. И только нынешняя власть удерживает страну от сползания в хаос и спасает эти две группы друг от друга. Случился отход многих критически мыслящих людей от традиционной религиозности, их «расцерковление». В результате в церковных структурах стало ещё больше единомыслия.

Далее РПЦ в лице прежде всего, но не исключительно, патриарха Кирилла стала главным проповедником учения о «русском мире». Оно было в общих чертах сформулировано

славянофилами во второй половине XIX в. и евразийцами в середине XX в., а уже в наше время реанимировано и возведено на место неформальной государственной идеологии. Его суть вкратце такова: все восточные славяне и соседние с ними народы, не создавшие могущественных государств, составляют «русский мир», особую цивилизацию, которую Запад не понимает и не признает, но победа «русского мира» над Западом неизбежна и судьбоносна для человечества (подробнее мы обсудим это ниже).

По сути, именно это учение стало для верхушки РПЦ новой религией со своими святынями (главный храм Вооружённых сил), обрядами и т.д. Излишне говорить, что именно из него прямо вытекает необходимость жестокой конфронтации с Западом и завоевания Украины. Весьма вероятно, что это учение будет дискредитировано самим ходом событий, прежде всего военных, но что придёт ему на смену?

Спрос на религию не исчезнет, хотя, по-видимому, продолжит сокращаться: людям важно иметь нравственные и духовные ориентиры, отмечать торжественными обрядами (крещение, венчание, отпевание) главные события своей жизни, у них есть спрос на самоуважение, чувство идентичности, нередко – на духовное руководство. Значит, церковные структуры будут воспроизводиться. С другой стороны, выросло число тех, кто руководствуется христианской этикой и отчасти догматикой, но слабо или никак не связан с церковной жизнью. Эти люди, которых можно назвать нерелигиозными христианами, попадают в некоторую серую зону, о которой мы не знаем почти ничего.

После политических перемен в России, когда бы они ни произошли и какими бы ни оказались, православие, вероятно, сохранит значительную часть авторитета, а спрос на «ритуальные услуги» сохранится. Можно опасаться, что церковные структуры будут подогрывать в обществе ресентимент и внушать мечты о

«сильной руке», а от государства ожидать, а то и требовать привилегий и финансирования в обмен на проповедь лояльности. Вполне вероятен организационный раскол на «прогрессивную» и «традиционную» церкви (а может быть, и на большее количество юрисдикций и группировок), при этом для противоборства они могут прибегать к полицейским службам (об истории УПЦ и ПЦУ в Украине будет сказано дальше). Всё это будет подталкивать общество и государство к заходу на новый виток персоналистской диктатуры.

Мы наблюдаем, что «каноническая территория» РПЦ (термин, возникший на наших глазах), включавшая ранее – в теории – весь бывший СССР, кроме Грузии и Армении, постепенно сокращается. О своём неподчинении Москве объявили УПЦ и Латвийская епархия, видимо, подобные решения будут приняты и в других независимых республиках (и об этом также будет сказано подробнее). К тому же в последние годы фактически произошел раскол «мирового православия», прежде казавшегося единым: Москва разорвала отношения с Константинополем, и хотя большинство поместных церквей пока сохраняют общение и с Константинополем, и с Москвой, разрыв углубляется. Вероятно, мы присутствуем при событиях того же масштаба, что и в середине XI в., когда католики разделились с православными.

Если так, то интересы РПЦ поневоле начинают совпадать с интересами одного-единственного государства, вопреки концепции «русского мира» в версии патриарха Кирилла. Есть горькая ирония в том, что своими собственными действиями он приблизил дискредитацию того, что так пламенно проповедовал все годы своего патриаршества.

Прежде, чем предложить некоторые реформы для русского православия в условиях новых политических реалий, необходимо тщательно изучить существующие в нём проблемы и понять их причины. Только тогда можно всерьёз задуматься, как именно они могут быть решены.

Уроки польского сопротивления

Чтобы понять происходящее в России, полезно взглянуть на какую-то другую страну со схожим климатом, населением и т.д. и посмотреть, как решались в ней подобные проблемы. Для данного случая удобно взять Польшу.

В России православная церковь стала, по сути, агентом государства и работает на разделение общества ради защиты своих корпоративных интересов (сказанное не означает, будто этого хочет каждый верующий, но именно таков результирующий вектор). А в Польше периода выхода из коммунизма католическая церковь стала точкой сборки нации и смогла вступить в союз с самыми разными общественными силами, включая атеистов и агностиков (на новом витке развития это породило новые проблемы).

Этому процессу способствовал целый ряд факторов, которые отсутствовали в советской и постсоветской России:

- Борьба за освобождение от коммунизма воспринималась как национально-освободительная и как продолжение традиций польских восстаний XVIII-XIX вв., что способствовало сплочению всех слоёв общества.
- Католическая традиция сближала Польшу с Европой, подталкивала к европейскому пути развития самим фактом принадлежности поляков к этой традиции. Быть поляком значило быть европейцем.
- Историческая память об идеализированной «шляхетской вольности» Речи Посполитой сохранялась в обществе.
- Традиционный уклад жизни не был разрушен в деревне, коллективизация не коснулась большинства крестьян.
- Католическая церковь имела свой центр вне Польши (при том, что в 1978 г. римским папой стал поляк) и потому у государства было

слишком мало рычагов влияния на церковь.

- Католическая церковь всемирна, поэтому польские католики могли пользоваться поддержкой (не только материальной, но и моральной, и интеллектуальной) своих соотечественников по вере в других, прежде всего европейских странах.
- Католическая церковь в 1960-е прошла через глубокие реформы, приблизившие её к жизни современного общества, и не воспринималась большинством как нечто однозначно архаичное.

Все эти факторы отсутствуют в России, единственное, что доступно – реформы. Можно ожидать, что они состоятся, когда общество в целом начнет меняться и церковное руководство вынуждено будет на эти реформы пойти. Именно так было в 1960-е гг. с католической церковью.

Значит ли это, что православная церковь в России обречена играть ту роль, которую она играет сейчас? По-видимому, нет. Но стоит понять, какая идеология движет руководителями РПЦ, какие причины ставят её как организацию на сторону патерналистских архаичных диктатур и что может быть сделано для того, чтобы хотя бы отчасти изменить это положение дел.

Мы рассмотрим три главных проблемных области и проследим в общих чертах, что привело к нынешнему положению дел и почему оно неудовлетворительно. Эти три области таковы: отношения церкви и государства, воспроизводство авторитарного стиля внутри церковных структур и их разрыв со светской интеллигенцией. Затем мы перейдём к идеологии «русского мира» и, наконец, поговорим о том, как именно может измениться положение дел в РПЦ после начала политических преобразований в стране (до тех пор, по-видимому, всерьёз ничего меняться не будет).

Имперская церковь без империи

Православие сложилось как целостный комплекс представлений, институтов и практик в Восточно-римской (Византийской) империи и было затем заимствовано Древней Русью как нечто готовое, законченное и от империи неотделимое. Однако в XV в. Византия прекратила своё существование, и Московия как собирательница русских земель была вынуждена реконструировать исчезнувшую империю при том, что прямые связи с ней были крайне слабыми, а сами византийцы казались подозрительными. Во многом эта реконструкция следовала моделям Орды, а не Византии. Так, приехавший в Москву в 1518 г. учёный монах Максим занялся исправлением книг, но уже в 1525 г. оказался в заключении за неготовность во всём соглашаться с властью. Дмитрий Лихачёв впоследствии называл Максима Грека «первым интеллигентом на Руси».

Московское, а затем российское государство сделали всё возможное, чтобы полностью подчинить церковь и встроить её в свой аппарат (особую роль тут сыграли победа царя Ивана IV над митрополитом Филиппом и введение Петром I синодального строя), что для настоящей Византии никак не было характерно. Однако после революции 1917 г. оказалось, что среди российских православных есть очень разные люди с разными настроениями. Собор 1917-18 гг. в Москве наметил основные пути для независимой церкви в демократическом государстве и традиционалистском обществе доурбанистической эры. И хотя в Советской России не сложилось демократия и не сохранилось традиционалистское общество, сам факт проведения этого собора доказывает, что русское православие не обязательно бывает сервильным и мракобесным.

О том же свидетельствует опыт православных общин в эмиграции XX в.: в большинстве стран они были просто неинтересны местным властям, к тому же им приходилось существовать в обстановке острой конкуренции с другими религиозными общинами и обходиться крайне скудными ресурсами. Тем не менее возникли не просто новые приходы, но настоящие интеллектуальные и духовные центры, пусть немногочисленные: Свято-Сергиевский институт в Париже, Свято-

Троицкий монастырь в Джорданвилле (США). А там, где к власти пришёл диктатор, как в Германии, среди православных эмигрантов тут же находились желающие прославить эту диктатуру и благословить её «на борьбу с большевизмом». У исторического русского православия не оказалось иммунитета против диктатур, они постоянно казались неплохой заменой настоящей империи. Впрочем, похожая история происходила в православных Греции и Румынии, в католических Испании, Португалии и Италии, не говоря уже о протестантах и католиках в Германии. По-видимому, это естественный этап перехода от традиционалистского и глубоко религиозного общества к современному: церковь видит в диктатуре спасение от вызовов модернизма.

После периода беспрецедентно массовых и тяжелых гонений в 1920–30-е гг. советское государство сменило политику и в 1943 г. воссоздало регулярное церковное управление (полностью перед этим разрушенное) в виде РПЦ МП, чтобы использовать её для создания положительного образа страны у (временных) западных союзников и пропаганды патриотизма среди собственных граждан. У оставшихся в живых епископов и священников это встретило благодарное понимание. «Прислониться» к сильному государству с единоличной властью – это было так привычно и понятно. В дальнейшем отношения советской власти к РПЦ МП были разными, от гонений при Хрущёве до полного признания в 1988 г. на юбилей крещения Руси. Но в целом правила игры после 1943 г. определяло государство, а церковь безоговорочно их принимала.

Подобная сервильность получила название «сергианство» по имени митрополита (будущего патриарха) Сергия, подписавшего в 1927 г. декларацию лояльности советской власти. Критики сергианства, прежде всего из числа эмигрантов, обычно утверждали, что большевистский СССР – «неправильная империя», с которой церкви не следует вступать в отношения полного согласия, или «симфонии» (как называла это новелла византийского императора VI в. Юстиниана). Однако проблема намного глубже. Во-первых, степень подчинённости церкви государству в

Московии – России – СССР намного превзошла византийские образцы, а во-вторых, оказалось, что для слишком большого числа православных существование церкви вообще немыслимо без существования империи.

Возникло даже своеобразное богословское учение о том, что в мире обязательно должен существовать «Удерживающий» (по-гречески «Катехон», термин из 2-го послания ап. Павла к Фессалоникийцам, 2:7). Под ним понимается сильное государство, защищающее мир и его «традиционные ценности» от окончательного погружения в пучину беззакония и разврата. «Удерживающим» назначаются последовательно Римская империя, Византия, Московия, Россия, СССР и РФ (список совершенно произвольный, точно так же можно сюда включить любое сильное государство). Цель этого учения – оправдать подчинение церкви очередному сильному государству и отождествление церковной проповеди с его пропагандой. [Центр «Катехон»](#) существует и сегодня.

Краткий период свободы от объятий государства продолжался меньше десятилетия. Уже в 1997 г. был принят закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в котором, при всех несомненных декларациях светскости, особая роль традиционной религии отводилась

православию (наряду с исламом, буддизмом и иудаизмом). Остальные христианские конфессии и деноминации, по сути дела, оказывались «религиями второго сорта». Монопольным представителем православия оказывалась РПЦ МП, хотя в РФ существовали и до сих пор существуют иные организации, носящие имя православных: старообрядцы разных согласий и альтернативные (независимые) православные, которые постепенно были вытеснены из общественной жизни и отчасти даже правового поля.

Шло стремительное сближение церковных структур с государственными: налоговые льготы (в 1990-е гг. – на импорт табака и алкоголя), обязательное тесное сотрудничество губернатора и епископа, «патриотическое воспитание» в школах и т.д. К 2012 г. (дело Pussy Riot) РПЦ уже сама, добровольно и осознанно, стала исполнять роль государственного департамента по пропаганде традиционных ценностей и государственного величия в обмен на явные и скрытые привилегии.

Как можно преодолеть эти тенденции? Строгим и последовательным отделением церкви от государства, как того и требует текущая версия Конституции. Конкретные предложения будут приведены ближе к концу этого текста.

Этика закрытой корпорации

Почти любая корпорация стремится к закрытости, почти любая порой отождествляет свою миссию с собственными мимолетными интересами и считает высшим благом собственное благополучие. Но когда корпорация говорит об абсолютном благе (как это делает любая церковь) и не имеет над собой никакого внешнего контроля, эти тенденции принимают угрожающие размеры.

РПЦ пользуется в РФ фактической экстерриториальностью во всём, что не касается государственно значимой проповеди (так, за проповедь пацифизма священников привлекают к административной и уголовной ответственности на общих основаниях). Даже скандалы, связанные с откровенным насилием над детьми в церковных приютах и монастырях, как правило, становятся

достоянием общественности только в связи с какими-то иными событиями: например, когда схимонах Сергей Романов выступил против Владимира Путина, выяснилось, что в монастыре под его руководством регулярно избивали принятых на воспитание детей.

РПЦ не только не платит налогов с пожертвований (что полностью соответствует законам), но и вообще не отчитывается ни перед кем о движении средств, а под понятие «пожертвований» старательно подводится всё, что только можно и нельзя под него подвести, например, плата за товар в магазине с фиксированной ценой. Священники и прочие сотрудники никак не защищены нормами Трудового кодекса, их внезапные и порой

совершенно немотивированные увольнения, переводы на другое место и т.д. – повседневная практика и главное средство давления на сотрудников.

Существует церковный суд, созданный при патриархе Кирилле, но он не обладает даже формальной независимостью, а в качестве юридических норм в нём используется вся совокупность церковных канонов, принятых за последние двадцать веков: вполне естественно, что при желании в них можно найти всё, что будет угодно начальству. В то же время любая критика любых действий любых представителей РПЦ тут же объявляется клеветой и кощунством, а миссионерская деятельность со стороны иных конфессий и деноминаций легко может быть объявлена криминальной по широко трактуемому закону 2016 г. (из «пакета Яровой»).

Положение рядовых священнослужителей оказывается мало отличимым от положения крепостных, а их судьба полностью зависит от произвола начальства. Не удивительно, что многие (не все) стремятся завести подобные порядки и на своих приходах, хотя у них значительно меньше средств воздействия на простых прихожан: рядовой верующий может просто перейти в другой приход. В то же время церковные общины достаточно аморфны и бессильны: они не обладают правами на собственные храмы, не влияют на назначение настоятеля и священника – всё это прерогатива епархии, т.е. центральных

органов управления. По сути дела, единственные полноценные субъекты церковного права – это правящие епископы, чья власть в церкви ограничена только избирательно применяемыми формулировками древних канонов, а фактически – единоличной волей патриарха.

Студенты семинарий за годы обучения проходят отбор по критерию своей безусловной лояльности существующим структурам и лично начальству. Система воспроизводит себя сама, а поскольку в современной РФ церковная карьера – второй главный социальный лифт после армейской и полицейской службы, то происходит отрицательный отбор будущего духовенства из людей, ставящих личную преданность на первое место и обычно сознающих свою неспособность построить карьеру вне церковных стен, а значит – абсолютную зависимость от начальства.

Как можно преодолеть эти проблемы? Строгим и последовательным соблюдением законов. Крайне важно вывести из «серой зоны» церковные финансы и кадровые решения, сделать их более прозрачными и совместимыми с требованиями светского законодательства – при сохранении разумных льгот и с учётом всех особенностей внутрицерковной жизни. Очень поможет также ослабление централизации церковного управления и допуск реальной конкуренции со стороны иных конфессий и деноминаций.

Храм без университета

Как мы уже поняли, церковь как общественный институт оказалась скорее хранилищем всего того, от чего люди бежали в советское время: некритического мышления, сервилизма, слепого следования шаблонам и подчинения начальству. При этом, как уже было сказано, дело вовсе не в том, что людей другого типа якобы не привлекает православная религиозность. Дело скорее в той системе, которая сформировалась в РПЦ.

Одной из причин такого положения дел можно считать разрыв между церковью и светским образованием, который издавна существовал в русском православии. Византийское православие

во многом наследовало античной культуре, его язык (древнегреческий) был языком высокоразвитой и разножанровой литературы, тогда как на Русь христианство пришло сразу в готовом виде и в отрыве от своих античных корней, а церковнославянский стал языком исключительно церковной книжности.

С другой стороны, в средневековой Европе возникали университеты, в которых обязательным был теологический факультет. Они становились площадкой для достаточно независимого разговора о главных ценностях, для богословского поиска, для диалога светской и религиозной культур. В

России университеты стали возникать только в XVIII в., и они были светскими заведениями: священнослужители получали образование в семинариях и академиях. Теологические факультеты были открыты в университетах других православных стран (Греции, Сербии, Болгарии, Румынии), но только не в России. Диалог между светской и религиозной частями общества, между людьми веры и науки оставался уделом одиночек-энтузиастов (кружки «богоискателей» на рубеже XIX–XX вв. и т.д.).

«Церковное возрождение», как иногда называют этот период ранних 1990-х, началось с невиданного всплеска интеллектуальной активности, с прихода в церковь людей с высокими моральными запросами и готовностью к самопожертвованию. Такие люди не исчезли и сегодня, но система выдавливает их из себя по принципу «нам не надобны умные, нам надобны верные». РПЦ как институция довольно подозрительно относится к любой интеллектуальной деятельности. Церковная жизнь в ней понимается по преимуществу как совершение богослужений, в которых священники как посредники наделяют народ благодатью на определённых условиях.

Кроме того, исторически сложилось, что люди либеральных убеждений часто видели в церкви исключительно тормоз для развития прогресса. Можно ожидать, что в случае политических перемен в России православие в глазах многих будет отождествлено с тиранией и мракобесием, что отчасти уже и происходит (и в некоторых, но далеко не во всех случаях, заслуженно). В результате православные граждане окажутся вытолкнутыми в гетто со всеми вытекающими последствиями: тоской по реваншу и сильной руке, возрастанию по-настоящему мракобесных настроений как якобы единственно возможных. Ворота гетто обычно бывают заперты с обеих сторон.

Недавно теология была включена в РФ в реестр научных специальностей. Однако это не означает, что российская высшая школа и наука пойдёт по пути средневековых европейских

университетов, да это уже и невозможно в реалиях XXI в. Теология в РФ была признана строго профессиональной дисциплиной, но не может быть никакой «православной науки» (равно как науки марксистской, арийской и т.д.). В скобках стоит отметить, что в тех европейских университетах, где теология носит профессиональный характер, это связано с историей и не служит определяющим фактором. Например, в Страсбургском университете есть два факультета теологии, католический и протестантский, потому что город Страсбург входил в состав Германии, где существует конкордат государства с двумя главными конфессиями, и Франции, где государственное образование принципиально светское.

Фактически руководство РПЦ, долго продавливавшее это решение, потребовало от научного сообщества признать за своими собственными учреждениями равенство с научными институтами и университетами. В защищаемых диссертациях теологи порой ссылаются на «личный опыт веры и жизни» как на метод исследования (такова была первая защита кандидатской диссертации по теологии в 2017 г., соискатель протоиерей Павел Хондзинский), а создаваемые кафедры теологии становятся, по сути, площадками для проповеди под руководством местного епископа. Всё это вызвало острую критику со стороны научного сообщества, представители которого, в свою очередь, нередко вообще отказывают любой теологии в праве на научность и даже предъявляют к каждому учёному требование быть атеистом. Полноценного диалога о том, как личная вера может сочетаться с научной добросовестностью, так и не сложилось, разговор в основном идёт на уровне обмена лозунгами и взаимных обвинений.

Как можно преодолеть эти обстоятельства? Развитием уважительного диалога между людьми разных религиозных и атеистических убеждений, культурными проектами и просветительской (в широком смысле слова) работой. Конкретные предложения будут изложены ниже.

Рождение «русского мира»

Основной идеологией, которую продвигали вместе кремлевская пропаганда и спикеры РПЦ, оказалась идеология «русского мира». Она богато украшена православной риторикой и символикой, но не имеет глубоких корней в христианской традиции хотя бы потому, что христианство в любой своей версии принципиально несводимо к одному этническому или культурному началу. Будь это иначе, оно бы оказалось просто разновидностью иудаизма как религии одного народа, к которому принадлежали почти без исключения все его первые и главные фигуры.

Выражение «русский мир» оказывается многозначным в силу омонимичности слова «мир». Это населённые русскими территории или, напротив, всемирная община русских людей вне зависимости от места их проживания. Но одновременно это тот мир (покой, миропорядок), который устанавливается на Земле благодаря русским людям – аналог Pax Romana, «римского мира», установленного на Земле после воцарения Августа Октавиана, первого императора. Разумеется, изначально «русский мир» мыслился не как латинский Pax (англ. peace), а как латинский Mundus (англ. world), но эти два слова слились в русском сознании, как в советском лозунге «миру – мир». Поэтому выражение «русский мир» понимается как бы сразу во всех этих возможных смыслах. И в православии есть давняя традиция восхваления «римского мира» даже в его языческом варианте. Так, на рождественской службе до сих пор поётся известная стихира, в которой единоначалие Августа сравнивается с единобожием, а его воцарение, соответственно, с рождением Христа.

В науке активно дискутируется вопрос, насколько глубоко русско-национальное сознание проникла доктрина «Москва – Третий Рим». Она опиралась на характерную византийскую риторикой, в которой едва ли не каждый благочестивый правитель сравнивался с первым христианским императором Константином. Но в посланиях монаха Филофея подданным великого князя Василия III (начало XVI в.) прозвучало более серьёзное утверждение: итальянский Рим стал еретическим, Константинополь как Новый Рим пал под ударами мусульман, так что теперь

Москва – столица единственной православной державы. А это ставит московских великих князей и впоследствии царей в уникальное положение и налагает на них особую ответственность за судьбы христианства и всего мира.

Можно, конечно, счесть эти утверждения обычной лестью или государственной пропагандой, но стоит отметить, что Иван IV Грозный в переписке со шведским королем Юханом III говорил о себе как о прямом потомке и наследнике того самого Августа Октавиана (конечно, это совершенно фантастическая генеалогия). В то же время он (например, в переписке с князем Андреем Курбским) привычно говорил о себе как о царе Израиля, т.е. избранного Божьего народа. Московия для Ивана IV стала одновременно Римом и Иерусалимом, т.е. не просто главным, но единственным «правильным» и избранным Богом государством на Земле. Так мыслил не только Иван IV – при Алексее Михайловиче под Москвой был построен Новый Иерусалим с копией Храма Гроба Господня (уникальный, насколько нам известно, пример в христианском мире).

Пётр I разорвал со многими московскими традициями, но связь с Римом была для него ещё более несомненной. Само переименование страны в империю, введение властных институтов с нарочито римскими названиями (Сенат, Синод, коллегии и т.д.), государственная риторика, прославлявшая его в латинских выражениях вроде Pater Patriae (Отец Отечества) – всё это подчёркивало, что подлинный Рим теперь воцарится в Петербурге, новом граде Святого Петра (первый Рим чтит его как своего небесного покровителя).

Но «Третий Рим» – не «русский мир». Выражение «русский мир» появляется в литературе в 1830-е гг. и неравнозначно «Третьему Риму» уже потому, что подчёркивает не религиозное, а этническое начало. Например, писатель Михаил Загоскин называл Москву «целым русским миром», потому что в ней можно встретить людей из всех уголков России и всех слоёв общества. Понятие было скорее этнографическим и очень напоминало популярный в те годы в Европе романтический национализм,

способствовавший становлению молодых наций. Например, в Германии существовало слово *Deutschheit* – «немецкость» – как совокупность национальных и культурных черт всех немцев, разделённых границами. Германия, как известно, оказывала большое влияние на интеллектуальную элиту России того времени. Как показывает социолог Дмитрий Травин, отсюда, вероятно, было заимствовано и понимание «особого пути» германской (теперь российской) нации: технологическое и экономическое отставание от Франции и Британии объясняется тем, что нация просто идёт другим путем, более духовным и менее меркантильным.

Либеральный русский историк Николай Костомаров в середине XIX в. излагал учение о «русском мире» как о совокупности двух наций, «великорусской» и «малороссийской», составляющих единый русский мир. У русской истории возникала цель – объединение разрозненных частей этого мира в единое государство под сильной царской властью. В результате уже к 1870-м гг., прежде всего в радикально славянофильской среде, сформировалось вполне целостное учение о «русском мире» со следующими положениями:

- В него входят все восточные славяне, объединённые происхождением и культурой, а различия между ними не играют существенной роли.
- Особую роль в формировании этого мира играет православная вера, но всё же не она определяет его уникальный характер.
- В этот мир входят и соседние неславянские народы, они могут сохранять свои национальные обычаи, их не нужно ассимилировать, но от них ожидается лояльность.
- Этот мир вечен и неизменен, любые внешние влияния ему только вредят.
- Историческая цель этого мира состоит в создании сильного национального государства на всех территориях, населённых восточными славянами и их соседями, не создавшими столь же могущественных государств.
- Такое государство может управляться только самодержцем, с демократией оно несовместимо.
- Запад не в состоянии ни понять, ни принять русский мир в его уникальности и потому

вечно враждует с ним.

- Существование этого мира сущностно необходимо для всего человечества, поэтому его победа в противостоянии с Западом в конечном счете благотворна и для самого Запада.

Надо отметить, что в Российской империи славянофилы никогда не обладали монополией на власть или на общественное мнение, и этот взгляд существовал в конкуренции с другими (в том числе и менее радикальными славянофильскими). Особую популярность такие настроения приобретали во времена войн, прежде всего Русско-турецкой 1877–78 гг. (которая и велась за освобождение славянства от иноземного ига) и Первой мировой, когда, к примеру, даже экономист и философ Сергей Булгаков рассуждал об извечной «борьбе русского мира с германством», итог которой должен привести к очищению и процветанию России.

После революции 1917 г. о русском мире говорит почти исключительно эмиграция, внутренняя и внешняя, в основном как о чём-то окончательно ушедшем. Поэт Михаил Кузмин в дневнике 1934 г. сравнивал его с Критом и Микенами – прекрасной, но окончательно исчезнувшей цивилизацией. Это выражение встречается и в церковных документах, например, в актах Собора 1917–18 гг. В советском официальном дискурсе оно отсутствует начисто.

Значит ли это, что советскому строю чужда сама идея особого мира, который противостоит Западу и несет светлое будущее для всего человечества? Вовсе нет. Просто этот мир официально назывался миром социализма. Давно подмечено, что большевизм можно рассматривать как своеобразную мессианскую секту, которая несет спасение миру. При этом если изначально большевики мыслили в категориях мировой революции, для которой Россия была только стартовой площадкой, то уже в 1930-е, а особенно в послевоенную эпоху идея социализма окончательно «осела на землю» и была связана именно с Россией.

Здесь уместно будет вспомнить т.н. «длинную телеграмму», составленную в 1946 г. американским дипломатом в Москве Джорджем Кеннаном, чтобы объяснить основные мотивы, стоящие за поступками Советского правительства. То была попытка описать механизмы мышления, стоящие за этим, часто иррациональным,

поведением. С его точки зрения, постоянное опасение перед вторжением с Запада основано на опыте российской истории: страна не имеет естественных рубежей, препятствующих внешним вторжениям, и она не раз становилась жертвой самых разрушительных нападений. Поэтому, пишет Кеннан, советское правительство и народ ожидают подобного и в дальнейшем и готовятся к такому развитию событий. Представление о превосходстве советского строя – своего рода компенсаторный механизм для страха.

Интересно, что подобный стиль мышления был свойствен не только сталинистам, но и их злейшим противникам. Так, эмигрант Иван Ильин (любимый философ Путина) выступил в 1948 г. с манифестом о «русской идее». В отличие от утилитарного и слишком логичного Запада, эта идея покоится на трёх китах: сердечности, созерцательности и свободе. Именно эти принципы, по Ильину, должны возродить Россию, когда окончится коммунизм. Как именно это произойдёт, он не уточнил: в эсхатологических верованиях победа добра над злом гарантирована без подробного планирования. Конкретика такой

мифологии только мешает.

Представления о «русском мире» или «русской идее» далеко не однородны, это набор разных идеологий, объединённых общими взглядами. Высказывания, близкие Ильину, можно найти у евразийцев (например, в трудах Петра Савицкого), в 1993 г. с манифестом «Остров Россия» выступил Вадим Цымбурский. Он спорил с евразийством относительно необходимости союза с азиатскими народами, но в том, что между Западом и Россией пролегает широкое море, он не сомневался. Согласно теории пассионарности историка Льва Гумилёва, каждая цивилизация проходит через разные стадии своего развития, в настоящее время Запад клонится к закату, а Россия, напротив, находится на вершине пассионарности, что объясняет множество неприятных событий и предвещает долгую золотую осень впереди.

Так что, когда в середине нулевых кремлевская администрация пожелала найти какое-то идеологическое объяснение своим действиям, у неё было на что опереться.

«Русский мир» в действии

С 2007 г. существует фонд «Русский мир» и выходит одноименный журнал, проводятся конференции, издаются многочисленные книги, посвящённые именно этому понятию. Главный его промоутер – безусловно, патриарх Кирилл. В 2015 г. на фоне острого конфликта в Донбассе он издал сборник проповедей «Семь слов о русском мире» и многократно возвращался к этой теме в последующем.

Впрочем, многие отмечают, что в последнее время это выражение уходит из официальной риторики – по мнению политолога Екатерины Шульман, в связи с тем, что любое внятное сформулированное учение для Кремля нежелательно, т.к. оно связывает его инициативы.

В марте 2022 г. часть богословов, в основном украинских, в особом заявлении заклеили учение о «русском мире» как ересь патриарха Кирилла, а в последнее время примерно в тех же выражениях его осуждает Константинопольский

патриарх Варфоломей, хотя такая категоричность вызывает некоторые сомнения. Но нет сомнений в том, что именно оно использовалось для подготовки и оправдания агрессии. Возможно, его удобнее описывать как элемент новой (гражданской) религии, которая в некоторой мере совместима с формальным исповеданием православного христианства.

После распада СССР и шока, вызванного рыночными и политическими реформами, многие люди пожелали если не реальной, то хотя бы воображаемой стабильности – идейной или идеальной. «Русский мир» такую идею предлагал. РПЦ её подхватила: вся территория бывшего СССР является её канонической территорией, и невзирая на политическую независимость бывших республик, они всё равно входят в единое пространство ценностей и смыслов. Кремлёвская дипломатия, как явная, так и тайная, увидела в идее «русского мира» полезный инструмент для

давления на руководство этих республик и для эффективного взаимодействия с носителями ирредентистских настроений в бывших советских республиках.

Поддержка этих настроений приводила к радикализации националистических настроений в новых независимых странах. Нередко это выливалось в давление на местных православных и к стремлению максимально отдалить их от Москвы. А это, в свою очередь, подогревало стремление Кремля и руководства РПЦ всеми средствами «защищать русский мир» от этого давления. Конфронтация подогревается с двух сторон.

Особую роль в этом процессе сыграла, конечно, Украина как вторая по величине и населению страна, возникшая на месте СССР, хотя похожие процессы происходили и происходят в других республиках.

Некогда вся территория СССР, кроме Грузии и Армении, где существовали свои древние патриархаты, считалась «канонической территорией» Московского патриархата. Когда Украина на рубеже 1980–90-х гг. взяла курс на государственную независимость, среди украинских православных, что вполне естественно, резко усилилось желание получить и церковь, независимую от Москвы. Казалось бы, вполне логично было эту независимость (на церковном языке – автокефалию) украинским православным даровать. Но тогда Московский патриархат в перспективе мог бы перестать быть самым многочисленным в православном мире, потому что западные украинцы (не пережившие раннебольшевистской борьбы с религией) в целом были куда более религиозны, чем россияне, к тому же выходцы из Украины традиционно занимали видное положение во многих российских епархиях. Сказывалась и инерция мышления: новые государственные границы казались чем-то временным и недостаточно серьезным, чтобы приводить в соответствие с ними границы церковных юрисдикций. Официально Московский патриархат оставил за собой всю территорию СССР.

В 1990 г. он предоставил украинским православным некий промежуточный статус Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ), полностью самостоятельной во внутренних делах и при этом подчинённой

Москве. Эта ситуация была довольно невыгодна для собственно московских структур: российские епископы не участвовали в выборах киевского митрополита, тогда как украинские участвовали в выборах московского патриарха, притом в силу своей многочисленности составляли влиятельную партию. Параллельно киевский митрополит Филарет Денисенко провозгласил создание нового, самостоятельного Киевского патриархата, но из-за его скандальной репутации и отсутствия серьезных канонических оснований эта новая церковная структура не получила признания со стороны других православных церквей и в неё перешла довольно небольшая часть украинских православных. Московский патриархат постоянно подчёркивал неканоничность Киевского и считал его как бы несуществующим.

После 2014 г. положение, когда большинство православных Украины относилось, пусть и формально, к Московскому патриархату, стало нестерпимым и для украинских властей, и для многих верующих. При активном участии президента Петра Порошенко был подготовлен и в 2018 г. собран в Киеве т.н. «объединительный собор», на котором была провозглашена новая церковная структура – православная церковь Украины (ПЦУ), независимая во внутренних делах, но подчинённая Константинопольскому патриархату, который вскоре даровал ей полную автокефалию. При этом Константинополь воспользовался документами из той поры, когда Киев в церковных делах подчинялся Константинополю (фактически вхождение украинских епархий в состав Московского патриархата было следствием вхождения соответствующих территорий в состав Московского царства или Российской империи). Иными словами, своя «каноническая правота» была у каждой из сторон.

По замыслу объединителей, новая структура должна была положить конец церковному расколу, но этого не случилось. Подавляющее большинство епископов УПЦ проигнорировало создание ПЦУ. Казалось бы, у них были все шансы занять в этой новой структуре лидирующее положение, а митрополит Киевский Онуфрий Березовский с его безупречной репутацией (в отличие от Филарета Денисенко) мог стать предстоятелем этой новой церкви. Для Московского патриархата, разумеется, создание единой и признанной в православном мире выглядело бы крупным

поражением на церковно-дипломатической арене. Но «своя версия каноничности» оказалась важнее.

В результате ситуация раскола сохранилась: многие приходы и священники перешли в новосозданную ПЦУ, но в целом УПЦ, кажется, сохраняла первенство по числу прихожан и особенно монахов. При этом патриарх Кирилл и высшее руководство РПЦ оказались с 2014 г. отрезанными от украинских епархий, которые продолжали считать своими. Уже в 2014 г. главного дипломата РПЦ митрополита Илариона Алфеева пограничники Украины просто не пропустили на территорию страны, когда он приехал с официальным визитом, и больше таких попыток никто из руководства РПЦ не предпринимал.

Официальная позиция РПЦ становилась всё более провластной: если в 2014 г. патриарх Кирилл не принял никакого участия в торжествах по поводу аннексии Крыма, то в 2022 г. присутствовал на церемонии принятия в состав РФ новых областей. Его риторика становилась всё более провластной, «русский мир» занимал в ней куда больше места, чем Евангелие и Христос, а с началом войны он занял однозначно прокремлёвскую позицию, хотя «его паства» (в его понимании) находилась по обе стороны фронта. 13 марта 2022 г. патриарх Кирилл торжественно вручил главе Росгвардии Виктору Золотову икону для «главного храма Росгвардии».

Замена проповеди христианства проповедью воинствующего патриотизма происходила постепенно. Важной вехой стало открытие в 2020 г. под Москвой «главного храма Вооружённых сил РФ» с его имперско-советской символикой, с постоянными отсылками к победе 1945 г. и обильными военными атрибутами. Можно говорить о формировании полноценной гражданской религии победы и русского мира, которая лишь внешне связана с православием. Но, как нетрудно понять, эта гражданская религия вступает в резкое и непримиримое противоречие с другими национальными идеологиями и гражданскими религиями, которые формируются в других странах, входивших некогда в СССР. Особенно острое противоречие возникло, разумеется, с Украиной.

Назначая Украину главной и неотъемлемой частью «русского мира», идеологи Московского патриархата, с одной стороны, заранее оправдали и благословили вооружённое вторжение, а с другой – навсегда оттолкнули рождающуюся украинскую

гражданскую нацию и уничтожили саму идею единства двух «братских народов», которую так навязчиво проповедовали. Подобный процесс будет неизбежно происходить и с Беларусью, как только закончится нынешний союз двух авторитарных режимов.

Весной 2022 г. стало окончательно ясно, что никакой «московской церкви» (пусть даже чисто номинально подчинённой Москве) на территории Украины быть просто не может. Однако руководство УПЦ не готово было принять решение о вхождении в состав недавно образованной ПЦУ, это означало бы признание своей изначальной неправоты. На соборе, состоявшемся в Киеве в мае, было принято абсурдное с канонической точки зрения, но, кажется, единственно возможное на практике решение: УПЦ выходит из подчинения Москве, но не провозглашает полноценную автокефалию (которую опять-таки каноны не позволяют провозгласить односторонне, хотя на практике так оно нередко и бывало). Таким образом, аргумент об УПЦ как о «единственно каноничной церкви в Украине» сильно пошатнулся. Просить Москву о даровании полноценной автокефалии было бесполезно, да и поздно (вероятно, в 2014–2017 гг. это было бы с управленческой точки зрения оптимальным решением), идти на поклон к Константинополю и ПЦУ после нескольких лет вражды – тоже невыносимо.

В результате в православном мире разразился кризис каноничности: существует явно противоречащая всем принципам ситуация (две конкурирующие церкви на одной территории), которая в принципе не может быть разрешена путём применения церковных канонов. Каноны, написанные в раннем Средневековье для православной Византийской империи, давно перестали работать в современном мире, который устроен совершенно иначе – пожалуй, впервые это было явлено настолько откровенно.

Но дальше – больше: война повлияла и на настроения православных в других странах, что особенно хорошо заметно на примере Балтии (где много православных верующих не только из числа этнических русских или белорусов). В Эстонии ещё с 1996 г. действуют две православные церкви, в подчинении Москве и Константинополю соответственно (тогда, в середине 1990-х, это был компромисс, разрешивший острый

церковно-дипломатический кризис), но в Латвии и Литве православные приходы входили в состав Московского патриархата (за исключением старообрядцев, разумеется). В Литве часть священников и прихожан весной 2022 г. отказалась поминать за богослужением патриарха Кирилла. Эти священники были запрещены в служении и извергнуты из сана. С высокой долей вероятности в Литве по украинскому сценарию тоже возникнет параллельная юрисдикция, подчинённая Константинополю (кстати, и само руководство Литовской епархии РПЦ всячески дистанцируется от Москвы и хочет получить автокефалию).

В Латвии произошло событие, напоминающее о Реформации в Англии XVI в.: осенью 2022 г. сейм по представлению президента республики принял закон об автокефалии Латвийской православной церкви, что встретило полное одобрение её собственного руководства (собственно, митрополит Александр Кудряшов и есть главный бенефициар и, вероятно, фактический инициатор этого законопроекта). Т.е. светское демократическое государство регулирует законодательными актами внутрицерковную жизнь на своей территории.

Реакция Московского патриархата на эти события была практически нулевой. Похоже, на территориях, неподконтрольных Кремлю напрямую или через прокси-режимы вроде белорусского, он уже не имеет никакой реальной власти над епископатами или рядовыми верующими; положение патриарха Кирилла в этом отношении напоминает положение президента Горбачёва в начале 1990–1991 гг. с республиканским «парадом суверенитетов». В Московском патриархате это признают, но едва ли будут признавать публично. «Парад автокефалий», вероятно, продолжится, хотя ключевую роль тут будут играть государственные власти различных республик и Турции, на территории которой расположен Константинопольский патриархат.

В то же время Московский патриархат будет всё теснее сливаться с руководством РФ в надежде восстановить контроль или хотя бы его иллюзию. Пример – обсуждение украинской церковной жизни на Совете безопасности ООН по инициативе РФ 17 января 2023 г., абсолютно бесполезное для урегулирования собственно церковных вопросов и служащее исключительно целям кремлёвской пропаганды.

Похоже, украинская политика Московского патриархата полностью дискредитировала себя даже в глазах его руководства. Свидетельством служит удаление от дел в 2022 г. главного церковного дипломата и главного переговорщика по Украине митрополита Илариона Алфеева (хотя у этого могут быть и иные причины). Надежд на то, что это руководство изменит подход при патриархе Кирилле, немного: сейчас оно пребывает внутри собственного информационного пузыря, подпитывая самоуверенность неадекватной информацией при отсутствии реальной обратной связи. Руководство Московского патриархата привыкло управлять своей паствой методом окрика и угрозы, но угрожать гражданам иных государств ему в настоящее время нечем – и даже если оно предпочтёт выбрать пряник, а не кнут, то и предложить будет по сути нечего, кроме своевременной автокефалии (а предлагать её Украине уже поздно).

В истории этот опыт, безусловно, останется примером того, как непомерные амбиции и погоня за призраком «русского мира» стали причиной реальных провалов, как они не дали использовать существовавшие возможности. Может быть, этот опыт позволит следующему руководству РПЦ взглянуть на вещи трезвее и реалистичнее.

Какие реформы могут быть востребованы в церковной среде – важный вопрос, но нас сейчас интересует иное: что можно и нужно будет сделать со стороны общества и государства.

Зоны роста на ближайшую перспективу

Руководство РПЦ всё сильнее отрывается и от реальности, и от простых прихожан, не говоря уже о широких слоях общества, которые в той или иной степени причастны православным традициям. Кто бы ни стал следующим патриархом (при нынешних раскладах это митрополит Тихон Шевкунов, но к следующим выборам ситуация в стране может резко измениться), у него будет очень узкое поле для манёвра. Зато гораздо больше, чем 10–20 лет назад, будет зависеть от рядовых членов церкви и от общества в целом.

Главным двигателем реформ в церкви, как это было и с католиками, будут изменения в обществе, которые происходят уже сейчас, ведь церковь – это его часть. В обществе растут запросы на честность, прозрачность и горизонтальную солидарность, и эти качества, нехарактерные для руководства РПЦ в целом, проявляются в отдельных «зонах роста».

Прежде всего это благотворительность и социальное служение, которые в последние полтора-два десятилетия активно развивались как в РПЦ, так и в обществе. Участвуя в общих благотворительных проектах, верующие и неверующие лучше узнают друг друга и отказываются от стереотипов («кощунники» против «мракобесов»), которые были когда-то использованы кремлёвской пропагандой в истории с Pussy Riot.

Во-вторых, это разнообразные культурные проекты: научные, образовательные, художественные и т.д. Сейчас такое сотрудничество нередко выглядит как продвижение программы РПЦ за государственный счёт или как

пропаганда казённого взгляда на историю силами РПЦ (яркий пример того и другого – экспозиции «Россия – моя история», открытые в крупнейших городах России под руководством того же митрополита Тихона Шевкунова), но мы говорим о другом. Мы говорим о книгах, о спектаклях и конференциях, проводимых без официального церковного участия (чтобы избежать казённости), но с особым вниманием к вопросам, интересным как верующим, так и неверующим.

Да и целом граница между верующими и неверующими постепенно размывается. Появляется всё больше людей, которые верят в Бога, но не доверяют церковному руководству. Некоторые из них организуются для домашних молитв вне храма и если изредка и посещают храм, то только чтобы получить причастие. Центр их духовной жизни уже не в храме.

Наконец, такой «зоной роста» могут стать разного рода кружки (например, по чтению Библии), летние лагеря для детей и другие виды мирянской деятельности при существующих храмах и общинах. Когда люди собраны вокруг конкретного и любимого дела, они неизбежно меняют мир вокруг себя к лучшему.

В иных условиях можно было бы надеяться, что плодотворное взаимодействие между религиозными и светскими людьми возникнет в сфере политического активизма, как это начало происходить в 2010-х гг., но сейчас эта область жизни полностью закатана в асфальт. Будем надеяться, что не слишком надолго.

Будущие реформы: государственно-церковные отношения

Что можно и нужно изменить в политике государства по отношению к православным, когда представится такая возможность?

Общий принцип изложен в существующей версии Конституции: Россия – светское государство, граждане имеют право исповедовать или не исповедовать любую религию, государство не может оказывать гражданам или организациям преференций по этому признаку или навязывать им определенное мировоззрение.

Разумеется, нужно убрать из законодательства расплывчатые и произвольно трактуемые нормы вроде «защиты чувств верующих» и «традиционных религий», заменив их чётко прописанными правами и обязанностями. Наказываться могут только конкретные действия, направленные против прав конкретных лиц, например, поведение, которое препятствует совершению богослужения или унижает достоинство человека в связи с его отношением к религии.

Впрочем, мы знаем, что светскими государства бывают в разной степени и по-разному. Вряд ли кому-то придёт в голову повторить опыт СССР, где «отделение церкви от государства» означало агрессивное насаждение атеизма, хотя по итогам нынешнего правления, вероятно, найдутся желающие это сделать. Но едва ли пригодится и опыт Греции, где православие остаётся государственной религией уже потому, что подавляющее большинство населения считает себя православными, а православие – одной из главных составляющих своей идентичности.

Можно вспомнить и британскую модель, где монарх официально провозглашён «защитником веры» и главой англиканской церкви, но на практике существует удивительная пестрота и разнообразие конфессий, каждая из которых имеет долгую историю. Но это слишком далеко от российских реалий.

В континентальной Западной Европе можно выделить две основные модели светского государства: «жёсткая светскость», как во Франции, где религия остаётся частным делом

гражданина и почти не присутствует в публичном пространстве, и конкордат, как в Германии, когда государство вступает в определённые отношения с зарегистрированными церквями. Это обусловлено исторически: Великая французская революция, чьи принципы декларируются как основные и для нынешней Французской республики, впервые в мировой истории заявила о принципиальном отделении церкви от государства, а школы от церкви (потом большевики скопировали этот лозунг, наполнив его новым содержанием).

В Германии, в отличие от Франции, со времен Реформации не было единой церкви, к которой принадлежало бы подавляющее большинство населения. В стране есть регионы с традиционно католическим и традиционно лютеранским большинством, существуют и другие религиозные общины. В стране высок уровень доверия к государственному аппарату, ему же доверена и функция посредника между гражданином и его церковью: так, государство собирает церковный налог и направляет его на финансирование церквей.

Россия исторически намного ближе к Франции: память о «старом режиме» с доминированием одной конфессии, слившейся с государством, революционное прошлое, не слишком высокий уровень доверия граждан чиновникам и т.д. По-видимому, России ближе французская модель, но некоторые ее крайности стоит смягчить, прежде всего в том, что касается культурной политики. Российские граждане, в отличие от французских, в массе своей привыкли к «куполам-колоколам» как к важной части национальной идентичности, хотя в повседневной жизни не более религиозны, чем французы. Там, где у французов будет в качестве национального символа изображена Эйфелева башня или Свобода на баррикадах, россияне поместят пейзаж с церковью или монастырём, и это необходимо учитывать (чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить образцы коммерческой рекламы нарочито «национальных» брендов).

Самая главная задача – на практике сломать шаблон «церковь как закрытая корпорация,

идеологически обслуживающая сильную руку государства и отделённая от остального общества».

Какой бы ни была новая власть, к ней абсолютно точно потянется очередь из иерархов и церковных спикеров, которые будут рассказывать о тяжких страданиях церкви в период диктатуры и предлагать договорённости на будущее: сохраните и преумножьте наши привилегии, а мы поможем с духовным воспитанием граждан в свете ваших новых решений.

Ответом должно стать твёрдое «мы в этом не нуждаемся». Не нужно, конечно, возобновлять большевистскую политику конфискаций и гонений или лишать церковные структуры тех привилегий, которые законны и оправданы (к примеру, освобождение от налогов добровольных пожертвований граждан). Также следует допустить реальную конкуренцию в религиозной сфере, устранить препятствия (сейчас они создаются искусственно) для деятельности иных христианских конфессий.

Далее. Сегодня РПЦ – сверхцентрализованная организация. Она работает как франшиза, к тому же практически монополия: быть православным значит принадлежать к её сторонникам, руководствоваться её правилами и проч. Храмы принадлежат не общинам, а епархиям, священников перемещают епископы и т.д. Это, кстати, следует из новой версии приходского устава, принятого вскоре после прихода патриарха Кирилла в «добровольно-приказном порядке» в 2009–2010 гг.. Случаи отказа были крайне редки и вели к санкциям против тех немногочисленных приходов, которые осмелились возражать.

Эта искусственная конструкция должна быть упразднена. В идеале (не всегда достижимом) базовой единицей должен стать приход или община, на добровольной основе объединяющаяся с другими подобными общинами. Именно приход с фиксированным и добровольным членством должен распоряжаться храмовым зданием, следить за своими финансами и проч. Он может вступать в объединения с другими приходами, передавать средства в центральные органы, но исключительно на добровольной основе. Полагаем, что часть приходов и общин предпочтут входить в иные церковные структуры (например, Константинопольский патриархат) или создавать свои собственные. Это должно быть

их собственным выбором.

Ещё одна искусственно созданная конструкция – церковная «реституция», когда молитвенные здания передавались в собственность, как правило, РПЦ, т.е. её центральных органов. Но 1) восстанавливаются дореволюционные права только одной организации, а не всех собственников (например, в Калининградской области церковные здания были переданы РПЦ, а не лютеранской церкви) и 2) правопреемственность между РПЦ, созданной в 1943 г., и дореволюционными церковными структурами неочевидна. Храмы и прочие церковные здания, которые признаны архитектурными памятниками, а равно музейные иконы и другие священные предметы должны оставаться в собственности государства как общенациональное достояние и предоставляться для богослужебного использования на условиях, которые не вредят их сохранности и в то же время исключают монополию той или иной организации. Использовать храм для молитвы можно и нужно, владеть храмом на основании того, что ты в нём молишься, или не пускать туда тех, кто тоже хочет помолиться, но немного по-другому, совершенно не обязательно.

Храмы и другие церковные здания, которые музейной ценностью не обладают, вполне могут находиться в собственности общин, но те должны нести полную финансовую и юридическую ответственность за их содержание. Создание новых монастырей и храмов должно быть целиком и полностью делом общин, которые ими и будут распоряжаться, никакой государственной поддержки большим проектам (очень удобным для откатов и распилов) быть не должно. Вместе с тем стоит стимулировать появление новых небольших молитвенных помещений «шаговой доступности» там, где есть на них спрос. Небольшие и недорогие церкви и часовни без золочёных куполов и роскошных фресок, возможно, организованные в пустующих помещениях (как это было с церквями русской эмиграции 1920-х гг.) позволят собираться вместе людям, которым действительно важна общая молитва и духовная жизнь, а не собственность и власть. Государство может предоставлять такие помещения в безвозмездное пользование.

Есть два кита, на которых стоит епископский произвол в РПЦ, и с ними следует покончить, тем более, что они противоречат существующему

законодательству: это финансовая непрозрачность и трудовой произвол.

Крайне важно для государства требовать полной прозрачности церковных финансов. Пожертвования не должны облагаться налогами, но это не мешает вести их учёт в каждом приходе и монастыре. Вероятно, не должны облагаться налогами выплаты священникам и сотрудникам храмов, сделанные из этих пожертвований. Стоит, как это есть и сейчас, освободить от налогов продажу предметов церковного назначения в соответствующих зданиях (церквях и монастырях, хотя это нарушает церковные каноны), но товар или услуга с фиксированной ценой остаются товаром и услугой, а значит, подлежат учету и фискальному контролю даже при существовании налоговых льгот, на их продажу распространяется действие закона о защите прав потребителя. Иными словами, необходимо перейти от режима «только казначей и настоятель знают, откуда берутся и на что тратятся деньги» к режиму полной финансовой открытости и прозрачности. Эти данные должны быть публично доступны. Соккрытие доходов и расходов должно считаться финансовым нарушением и соответственным образом наказываться.

Церковные структуры должны соблюдать права всех граждан, прежде всего в области трудового законодательства. Священник или сотрудник храма должен заключить с общиной или епархией трудовой договор, где будут прописаны его права и обязанности, каждая из сторон при необходимости может защищать свои права в гражданском суде точно так же, как каждый церковный деятель подлежит суду уголовному в случае совершения преступления. Разумеется, возможна волонтерская безвозмездная деятельность, но тогда она регулируется иными правовыми нормами.

Государство должно поддерживать реально работающие социальные программы, организованные церковными структурами, всячески поощрять их сотрудничество со светскими и иноконфессиональными благотворительными организациями, а также с государственными структурами. Любая деятельность, направленная на помощь обществу и на выход православных из гетто (а такой деятельности становится всё больше), должна приветствоваться и поощряться, в т.ч. с помощью грантов, при условии строгой отчетности.

Будущие реформы: информационная и культурная политика

Естественно, одних административных мер недостаточно. Государство должно будет широко разъяснять свою позицию – языком, понятным и тем из православных, кто сейчас является путинистом.

Бороться с мифологемами при помощи рациональных доводов практически невозможно, равно как и переубеждать людей, отрицая их базовые ценности. Для нынешних православных путинистов это прежде всего сильное и заботящееся о своих гражданах государство, национальные традиции, ощущение своей высшей правоты, солидарность всего «православного русского мира». По-видимому, вместо того, чтобы объяснять им, как часто делалось в девяностые, что это ложные ценности, а рынок и демократия

всё расставят по местам, стоит сосредоточиться на другом: на практических примерах доказывать, что нынешний режим и поддерживающее его руководство РПЦ предаёт и извращает эти высокие идеалы, а подлинная демократия делает их реализацию возможной.

Нельзя допускать никакой дискриминации по признаку отношения к религии и огульных обвинений православных в коллективной ответственности за поддержку нынешнего режима. Наоборот, нужно подчёркивать, что в условиях диктатуры церковь сама несвободна, что она вынуждена расплачиваться своим авторитетом за безусловную поддержку действий власти, далёких от христианских идеалов.

Следует разъяснять, что учение о «русском

мире» – однобокое и достаточно искажённое понимание православия, которое к тому же привело к печальным последствиям (раскол, война и проч.), в то же время подчёркивать универсализм православной традиции, разнообразие её форм и проявлений, её связи с другими христианскими конфессиями.

Необходимо показывать на конкретных примерах из давней и недавней истории, каким может быть иное понимание православия: например, истории митрополитов Филиппа Колычева и Арсения Мацеевича демонстрируют, что епископат далеко не обязан быть покорным исполнителем государственной воли. При этом не следует ограничиваться небольшим кругом имён, популярных среди интеллигенции (таких, как священник Александр Мень и монахиня Мария Скобцова): важно показать, что примеры можно найти среди людей самого разного происхождения и положения.

Также стоит показывать на конкретных примерах, какую роль в истории русского православия сыграли внешние связи: например, рассказать об огромном влиянии киевского богословия и системы образования, которые в XVII–XVIII вв. сыграли роль «прокси-сервера» в общении с католическим миром и, по сути, доминировали в России, или продемонстрировать, что построенная Петром I империя была в значительной мере протестантской. При этом категорически следует избегать противопоставления «плохого московского» и «хорошего киевского (европейского и т.д.)» православия, что тоже наверняка кому-то захочется делать.

Если сейчас огосударственное православие доминирует в официальном пространстве, то на новом повороте истории, по принципу маятника, может восторжествовать воинствующий атеизм. Но он точно так же не должен нарушать принцип «религия – частное дело», не должен приводить к насильственной индоктринации. Абсолютным требованием должна быть заведомая недискриминация учёных или деятелей культуры, как и вообще граждан, в зависимости от их личного отношения к религии. Стоит приветствовать любые культурные и образовательные начинания, которые создают пространство для равноправного диалога без доминирования православной или атеистической (или любой иной) точки зрения.

Вероятно, первые попытки не будут слишком успешными, но они тоже необходимы, чтобы развивать в обществе культуру содержательного диалога.

Многое можно и нужно будет сделать в области культуры, науки и образования. В частности, предстоит подготовить и распространять образовательные и просветительские материалы (книги, фильмы, программы и т.д.), которые соответствуют изложенным выше принципам информационной политики. Начинать это делать можно уже сейчас.

Стоит, в частности, показывать, каким бывает «нецерковное христианство»: например, записи в блоге Алексея Навального времени его заключения содержат ярчайшие примеры христианских идей и поступков, которые в то же время лишены традиционной риторической позолоты. Эти записи можно подать в стиле «так кто тогда настоящий христианин», но возможен и другой подход: смотрите, христианство даёт нам руководство для действия даже в ужасных внешних условиях, давайте обсудим, как евангельская этика помогает нам пережить эти времена.

Следовало бы исключить любые уроки религии (а равно и светской этики) из школьной программы в качестве отдельного, да к тому же конфессионального, предмета, но при этом знакомить школьников с основами мировых религий на уроках истории, литературы, мировой культуры и тому подобных дисциплин. Нужно допустить и приветствовать всевозможные кружки и центры религиозного образования (в т.ч. частные религиозные школы) на добровольной основе по принципу «религия – частное дело каждой семьи». Более того, они должны быть разнообразными, они должны вовлекать детей в общее образовательное пространство, не давая им запереться в гетто.

К сожалению, в российской истории слишком сильны традиции школы, в которой детям прививают «правильное мировоззрение» (и, как правило, эти попытки вызывают лишь отторжение). Вместо этого нужны совсем иные уроки: логики, риторики психологических навыков (прежде всего эмпатии). В современной информационной среде (чего не понимает нынешний режим) невозможно оградить подростков от нежелательной информации, но можно научить их работать с любой информацией,

оценивать источники, распознавать фейки и манипуляции, доказательно и вежливо отстаивать свою точку зрения. Не нужно стараться им эту точку зрения навязать, это всё равно не удастся сделать, но необходимо научить их ответственно с ней работать, критиковать и выслушивать критику, развиваться. Именно поэтому религия должна изучаться на общих уроках, а не на отдельном конфессиональном курсе «закона Божьего».

Стоит разработать путём широкой дискуссии критерии для включения или невключения теологии (или богословия) в номенклатуру научных специальностей. Вероятно, наилучшим решением было бы введение единой специальности «теология и религиоведение» (так, например, называется факультет в университете Цюриха).

Семинарии и академии должны либо реально соответствовать всем критериям, предъявляемым к светским учебным заведениям (на данный момент это скорее декларируется, чем исполняется), либо отказаться от выдачи дипломов общегосударственного образца. Ничто при этом не мешает церковным структурам создавать и поддерживать свои учебные заведения для подготовки священнослужителей. Впрочем, это уже относится к вопросу о реформе высшего образования, которое зачастую работает «для галочки» и слабо связано с реальным получением знаний и подготовкой к профессиональной деятельности.

Воспитание детей в монастырских или иных церковных приютах, как показывает практика последних десятилетий, слишком часто приводило к случаям совершенно дикого насилия над ними. Кроме того, монахи и монахини, сознательно отрекающиеся от мира, едва ли могут иметь соответствующие опыт и образование, а главное, склонность к воспитанию детей. В те времена, когда монастыри принимали сирот на воспитание, государственных приютов было недостаточно или их вовсе не было. В XXI в. монастырский приют для детей совершенно неуместен. Любая форма монашеской или иной строго религиозной жизни должна быть сознательным выбором взрослого человека.

Есть область вопросов, связанных с современной наукой, по которым возможна продиктованная религией обскурантистская позиция: отрицание естественнонаучных знаний и теорий, отказ от определённых медицинских

процедур и проч. Необходимо признать за взрослыми людьми право на такой выбор, но государство имеет право и обязанность следить за тем, чтобы он не навязывался детям, в т.ч. их собственными родителями. В частности, они не вправе отказываться за своих детей от переливания крови по медицинскими показаниям или настаивать, чтобы в школе им не преподавали биологию, т.к. она не соответствует положениям учению о сотворении мира за шесть дней. В то же время надо всячески подчёркивать, что это вызвано заботой о детях, а не ненавистью к верующим.

В области сексуальной этики и связанных с этим положений права должен работать принцип: совершеннолетние правоспособные люди добровольно и без принуждения вступают друг с другом в такие отношения, какие сочтут нужными, государство в это не вмешивается, а те, кому это не нравится, могут на это не смотреть. В то же время, по-видимому, стоит сохранять наиболее значимое общественное пространство нейтральным, чтобы не слишком раздражать ту или иную сторону, т.е. не проводить на Красной площади ни гей-парадов, ни крестных ходов.

Стоит кратко сказать и о том, какие реформы были бы желательны внутри собственно церковных структур, а точнее говоря, в среде российских православных. Государство не должно ни навязывать, ни даже стимулировать их, это дело исключительно самих православных. Но это не значит, будто у государства и общества нет никаких инструментов влияния («мягкой силы») или что ими не следует пользоваться. Прежде всего государство может аккуратно предлагать пищу для размышления.

Нужно не бояться разглашения «неудобной информации» о теневых сторонах церковной жизни, но не ограничиваться только ей, создавая ощущение «информационной войны против церкви». Следует стимулировать широкое и качественное обсуждение возможных реформ церковной жизни, избегая в то же время огульного очернения всего, что с ней связано, и не навязывая сверху решений и ответов.

Долгое время споры на эту тему шли в основном вокруг языка богослужения, антисемитских высказываний в традиционных текстах (в основном в богослужениях Страстной недели) и тому подобных внешних вещей, не

затрагивающих самую суть церковной жизни. Кажется, сегодня это уже мало кого на самом деле интересует. Задаются совершенно иные вопросы, например, о допустимости войны, о пределах лояльности своему государству и т.д.

Главный вопрос на повестке дня – о взаимоотношениях в треугольнике церковь – общество – государство. Церковь – это часть общества, достаточно консервативная часть, которая тем не менее развивается и меняется вместе с ним. Сейчас путинское государство напирает на искусственный консерватизм, доведённый практически до абсурда, и церковь, отчасти в силу многовековой привычки подчиняться государству, отчасти принимая насаждаемую архаику за собственные идеалы, в значительной мере поддерживает государство. Но внутри неё возникает всё больше сомнений, диссонанс между декларациями и реальностью становится

всё более очевидным. Часть людей уходит, часть ищет новых ответов на старые вопросы. Многие задумываются о необходимости реформ, но пока не видят для них реальных перспектив.

Не хватает прежде всего «точек сборки». Для того, чтобы стимулировать церковные реформы, нужно помочь в создании таких точек. Это могут быть конкретные социальные проекты, интеллектуальные площадки, образовательные и культурные учреждения, занимающиеся церковной или околоцерковной тематикой.

В заключение стоит сказать, что среди православных в России и в русской эмиграции много честных и талантливых людей, которые видят существующие проблемы, готовы их обсуждать и работать над их исправлением, когда представится такая возможность.

Об авторе

Андрей Десницкий – библиист, филолог, переводчик, публицист, писатель. Главный научный сотрудник филологического факультета Вильнюсского университета, доктор филологических наук.